

С. Эфрона – на коммунистические позиции во многом осуществился благодаря М. Горькому.

Автор монографии рассматривает взаимоотношения писателя с молодыми прозаиками – Г. Алексеевым, Р. Гулем, И. Болдыревым, В. Яновским, Г. Газдановым, творческие контакты с которыми не прервались и после возвращения Горького на родину. Важную роль сыграл писатель в «становлении двух начинающих прозаиков, в судьбах которых особенно рельефно отразилась трагическая парадоксальность эпохи, – коммуниста – “невозвращенца” Н. Орлова и “большевика-князя” А. Хилкова» (с. 9). При этом трем известным парижским писателям – И. Болдыреву, В. Яновскому и Г. Газданову – уделено внимания меньше, чем «не столь талантливому и ныне почти забытому» А. Хилкову, что объясняется двумя обстоятельствами: «Во-первых, для названных парижских прозаиков заочное знакомство с Горьким было лишь эпизодом (хотя и значительным) в их литературной жизни, а для Хилкова – событием, во многом определившим его судьбу. Во-вторых, сведения о жизни и творчестве первых трех содержатся в многочисленных иностранных и отечественных исследованиях и библиографических справочниках, о Хилкове же до сих пор было известно очень мало» (с. 7).

К.А. Жулькова

2005.04.031. КЛАССИКА И СОВРЕМЕННОСТЬ В ЛИТЕРАТУРНОЙ КРИТИКЕ РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ 20–30-Х ГОДОВ: СБ. НАУЧ. ТР. / ИНИОН РАН. Центр гуманист. науч.-информ. исслед.; Редкол.: Петрова Т.Г. (отв. ред.) и др. – М., 2005. –200 с.

Статьи реферируемого сборника объединены проблемой традиций и преемственности, актуально звучавшей в русском зарубежье. Показан живой процесс рождения классики в современности. Книга открывается статьей С.Р. Федякина «Кризис художественного сознания и его отражение в критике русского зарубежья». Дискуссии, постоянно возникавшие в эмигрантской прессе, связанные с текущим литературным процессом, не могли не отразить и сложности положения писателя в современном ему мире, и общего понимания кризиса культуры.

Одна из самых ранних дискуссий, возникших в эмиграции, – дискуссия о языке (1923 –1929). П.М. Бицилли, в частности, говорил о рождении в России и за рубежом «нового, второго» (с. 12), конкурирующего с общенациональным, русского языка. Об этом свидетельствует проза Лескова, Розанова, Ремизова. За противостоянием «двух языков»

Бицилли склонен был видеть противостояние Петербурга и Москвы, нации и народа, начала культурного и начала этнического и т.д. По мнению П. Муратова, русская литература XIX в. держалась «жизненностью». Однако в преддверии наступавшего кризиса художественного сознания писатели стали больше обращать внимания на художественные средства выразительности. Утратой «жизненности» можно объяснить и движение прозы в сторону «орнаментики», и попытки создать новую прозу, в основу которой положена сила вымысла. К. Мочульский, напротив, считал традиционное направление устарелым, а по-настоящему живым видел путь, начатый Лесковым, и продолженный А. Ремизовым, Е. Замятиным, И. Бабелем, Л. Леоновым.

Спор о языке современной русской прозы непосредственно соприкасался с полемикой о романе. В 1927 г. К. Мочульский отметил, что уходит в прошлое психологический роман, созданный в XIX в. Лишившись своего стержня, способности «творить живых людей», роман в XX в. начинал рассыпаться, его композиция становилась рыхлой. Писатели-современники Мочульского пытались вновь «собрать» психологический роман или усиливая роль фабулы, или делая акцент на бытописании, или «напитывая роман идеологией» (с. 16), или же придавая особое значение стилю.

К. Мочульский был также одним из наиболее последовательных эмигрантских идеологов «неоклассицизма» в поэзии, противостоявших авангарду. Критик стремился увидеть за борьбой, в частности, символизма и акмеизма не столкновение идеологий, а противоборство стилей. Для него акмеисты и поэты сходной направленности были объединены не только полемикой с символистской традицией, но новым, противоположным символистскому принципом словесного творчества. В особенностях символистской поэтики, преобладании в словаре общих и абстрактных понятий, их всеобъемлемости, аморфности и туманности, произвольности эпитетов – Мочульский обнаруживал полный распад языка, что привело к кризису все направление. Предпочтения другого критика – Н. Бахтина – опирались не на язык, а на историю культуры, его идеал – не то или иное современное ему направление, но поэзия эллинов. Изначально, по Н. Бахтину, поэтическое слово – слово заклинательное, произносимое; это «поэзия для слушателя». Здесь музыке дано реальное значение, а словесный материал распределен во времени, имеет свои кульминации и спады. И потому в такой поэтической речи отчетливее и тверже логическая основа. Звучащая поэзия призвана повелевать, она

властно вовлекает слушателя в свое течение. В новейшей поэзии «незвучающая музыка слова» (с. 23) вынуждена оберегать себя, поэтому она выходит на передний план, затушевывая логику. На смену символизму пришел трезвый эстетизм, искаживший идею «всенародности».

К концу 20-х годов вызревали новые направления, объединения, школы. В это время в печати появились критические работы Г. Адамовича и В. Ходасевича. Адамович хотел от поэзии «гениальной простоты», чураясь любого нажима и ненужного усложнения. Настоящая поэзия – та, что требует литературного аскетизма, отказа от всевозможных моднейших ритмических изысков, от сложных метафор. Ходасевич немало сил приложил к тому, чтобы внушить младшему поколению поэтов учиться у классиков. Его позиция внешне была проста: без знания лучших образцов поэзии нельзя ни сохранить в изгнании русскую культуру, ни просто написать настоящего стихотворения. В главном позиции критиков совпадали: оба не терпели обезличенности, только Адамович полагал, что опасность исходит со стороны чрезмерного ученичества, тогда как Ходасевич видел ее в нежелании учебы, приобщения к подлинной культуре и истинной традиции. Очевидным в их диалоге является главное: подробно обсуждавшийся вопрос о кризисе сознания все более «снижался» к более простому, но и более насущному – *как* нужно писать в эпоху всеобщего духовного кризиса.

В 30-е годы эмиграция подошла к одному из самых важных вопросов: можно ли разрешить ключевое противоречие литературы русского зарубежья? С одной стороны, оказавшись за пределами родины и будучи непосредственными носителями русской культуры, писатели обязаны были хранить традиции. С другой – эмиграция стала результатом тех мировых катаклизмов, выразить которые можно было только на путях обновления средств художественного воздействия на читателя. Ясно одно: значительная часть литературного наследия русского зарубежья стала классикой, откуда черпать может не только ближайшее поколение. В этой литературе противоречие «старого» и «нового» нашло свое разрешение.

В условиях кризиса культуры эмиграция искала и находила опору в отечественном классическом наследии, в русской литературе, в ее устремленности к «последним вопросам бытия», в ее поисках Бога. Об этом пишет Т.Г. Петрова в статье «Литературная критика эмиграции о писателях XIX века (Пушкин, Лермонтов, Чехов)». Важнейшей чертой художественной культуры русского зарубежья стало ее самоопределение

по отношению к личности и творчеству Пушкина. Когда русская эмиграция «первой волны» решала вопрос о том, на какой духовной основе она могла быть объединена, имя Пушкина возникло органично. При всей полярности взглядов представителей русского зарубежья имя великого поэта оказалось той консолидирующей и примиряющей основой, которая заставила забыть жестокие разногласия по многим вопросам. В творческом и личном феномене Пушкина писатели искали ответы на насущные вопросы времени, «с его гением связывали надежду на будущее возрождение России и ее культуры» (с. 39). В день рождения поэта русская эмиграция ежегодно праздновала День русской культуры, связывавший воедино русских, живших за пределами отечества.

К пушкинским юбилеям в прессе русского зарубежья появлялось множество публикаций. Так, И. Шмелев объяснял, что в зарубежье пушкинские торжества становятся не тризной, а радостной встречей с Россией. Б. Зайцев провозгласил Пушкина знаменем свободы, духовной культуры, любви к родине в высшем ее проявлении. По мнению А. Бема, поэт «удивительным образом» сочетал в себе смелость и трезвость, «прозрение в будущее и учет настоящего» (с. 40). П. Бицилли утверждал, что Пушкин сумел углубить и возвысить «национальное чувство» в «национальную идею» (с. 41). Д. Мережковский в своих суждениях о поэте как продолжателе дела Петра отмечал, что оба они пророчески угадывали назначение России – соединить Восток и Запад «в грядущей всемирности» (с. 42). Однако, согласно Мережковскому, Пушкин менее всего был рожден политическим бойцом и проповедником, дорожа свободой, как «внутренней стихией» (с. 42). Именно потребность в высшей свободе и привела поэта к безысходному столкновению с «русским варварством» (там же), что и стало главной внутренней причиной его преждевременной гибели. Во всей русской истории «нет более горестной и знаменательной трагедии, чем жизнь и смерть Пушкина» (там же). Это выступление Мережковского к 100-летию со дня гибели Пушкина вызвало дискуссию, в которой приняли участие С. Булгаков, В. Зеньковский, С. Франк, И. Ильин, П. Струве, Г. Адамович, К. Зайцев и др., по-разному отвечавшие на вопрос о том, в чем величие Пушкина и разгадка неуклонного роста его значения для русской культуры.

О Лермонтове в рассматриваемый период было написано значительно меньше работ. Традиционным, со времен символизма, было сопоставление (и противопоставление) имен Пушкина и Лермонтова, часто с акцентом на преимуществах первого. Г. Адамович, напротив,

ценя творчество Лермонтова чрезвычайно высоко, объяснял, чем Лермонтов близок молодому поколению, формировавшемуся в условиях кризиса эпохи. Критик утверждал, что поэт пленяет тоном своей «непоправимо трагической», «безутешной» и бескомпромиссной поэзии (с. 49). Он привлекает к себе сердца и сознание людей тем, что его представление о человеке и мире не закончено, не завершено, не приведено в равновесие – и потому во всех обращенных к будущему мечтах и помыслах Лермонтов является спутником, «а не укоряющим идеалом» (с. 49). Такие критики, как Мережковский, Г. Мейер, П. Ставров, стремились «защитить» Лермонтова от давних несправедливых обвинений, предъявленных ему Вл. Соловьевым. Тот «осудил» поэта на «вечные муки» за якобы отсутствие христианского смирения и за богоборчество. И. Лукаш также отмечал, что народ «услышал в Лермонтове» молитву, которая была «откровением, завершением всего его гения» (с. 51). Б. Зайцев писал, что поэт навсегда сказал нечто русскому сердцу всем своим обликом, скорбным одиночеством, отблеском трагедии, легшим на его судьбу.

В литературно-критическом наследии эмиграции отразилось бесконечное уважение к личности и творчеству Чехова, олицетворявшего для «России в изгнании» высшие этические ценности русской литературной классики. Великая доброта, ставшая естественной окраской его таланта, пронизывает чеховские книги, утверждал В. Набоков. Г. Адамович говорил о человечности как важнейшей черте Чехова. П. Бицилли увидел специфику этой человечности в жалости к человеку, каким бы он ни был. По мысли Ю. Айхенвальда, чеховские «лишние люди» не расчищают себе дороги «в сутолоке человеческого действия» (с. 55), а тоскуют по высшей красоте и правде. «Чеховская тоска» – как томление человеческой души, неутолимое ничем земным, в глубине своей религиозна, утверждал К. Мочульский, настаивая, что неверующий Чехов «в лирическом волнении» прикасался «к неведомой ему истине» (с. 57). Б. Зайцев подчеркивал неосознанное религиозное чувство писателя, доказывая, что душа Чехова по-своему устремлялась к Богу.

Многие деятели русской культуры в эмиграции пытались найти в классическом наследии, в духовных поисках отечественной литературы объединяющую спасительную гуманистическую основу. И хотя, по мысли П. Бицилли, русская культура испытала трагический апокалипсис, но именно в этом критик видел залог будущего мирового культурного возрождения, немислимого без великих потрясений, без мучительного познания «трагедии становящегося духа» (с. 59).

О.В. Кулешова – автор статьи «Классика и современность в оценке Д.С. Мережковского». Творчество писателя и философа в эмиграции представляет собой огромный конгломерат идей и образов, олицетворяющих его концепцию жизни и литературы. Классики золотого века русской литературы, согласно Мережковскому, видят, угадывают, предчувствуют наступление нового эона истории – Царства Божия на земле. Будучи свидетелями исторического христианства в период Второго Завета Бога-Сына, Пушкин, Гоголь, Л. Толстой, Достоевский, по-своему разрешая противоречия истории в надысторическом пространстве, предохраняют от гибели не только Россию, но и все человечество. С их помощью, по логике Мережковского, совершается движение истории к близкому концу – Апокалипсису. В век отступничества и атеизма, считал критик, память о них поможет удержать на краю пропасти погибающее человечество, воскресить великую Россию. Русские классики – опора страны; благодаря им Россия воскреснет духовно, поднимется из пепла и, выполнив свое великое предназначение, спасет весь мир. Статьи Мережковского, отмечает исследователь, крайне эмоциональны. Критик обвинял, развенчивал, угрожал, молился, выражая горячие надежды на русскую литературу. Стиль статей нельзя определить ни как научный, ни как публицистический. Это бесконечный поток сознания, мысли вслух о наблевшем, «крик о помощи и предостережение, исповедь и проповедь одновременно» (с. 71). Мережковский глубоко переживал трагедию оставленного им отечества, волновался за судьбу мира, «безразличного к будущему» (там же). Менее всего его можно обвинить в бесплодном схоластическом философствовании, пишет О.В. Кулешова.

«Современные записки» – основной литературно-критический журнал «первой волны» русской эмиграции. Заметной фигурой в этом издании был М.О. Цетлин – критик и редактор издания от основания и до последнего номера. Его суждения о литературе рассматривает К.А. Жулькова в статье «Из литературно-критического наследия Современных записок». Все материалы исследователь распределяет по четырем темам: 1. Рецензии на книги «молодых». 2. Критические заметки о произведениях советских авторов. 3. Статьи о политических событиях (например, о революционной действительности, отраженной в литературных произведениях). 4. Анализ исторической прозы. Анализируя «новойшую» поэзию, сборники Л. Червинской, Р. Блох, С. Прегель, И. Голенищева-Кутузова, С. Барта, Е. Таубер, А. Головиной, Цетлин оспаривал мнение Ходасевича, который называл «столичные» настрое-

ния парижских поэтов обязательной «униформой» (с. 81). По Цетлину, среди них были сильные и самобытные таланты.

Говоря о советской литературе, Цетлин выделял С. Есенина как действительно народного поэта, защищая от нападок его поэму «Инония», которую другие критики называли антихристианской, грубо-кощунственной. Высокую оценку дал Цетлин первой части романа М. Булгакова «Дни Турбиных. (Белая гвардия)» (Париж, 1927), отмечая, что Булгаков не избежал «расхожих» в революционное время приемов: тяготение к «разорванному» повествованию, «быстрые мазки, лапидарные общие характеристики, вводные эпизоды, звукоподражания» и т.д. Но у автора «Белой гвардии», замечал Цетлин, такие приемы применяются со вкусом и чувством меры.

Рецензия М. Цетлина на книгу Мережковского «14 декабря», собственная книга Цетлина «Декабристы: Судьба одного поколения» и его стихотворный сборник «Кровь на снегу» являются свидетельством интереса автора к историческому процессу вообще и к проблеме декабристского движения в частности. Главным достоинством подхода к проблеме у Мережковского Цетлин-критик считал обогащение жанра исторического романа религиозно-философскими концепциями, «перенасыщенность культурой» (с. 76). Расхождение его с Мережковским обнаруживалось в вопросе о праве романиста на вымысел при создании исторических фигур. Если Цетлин строго придерживался фактического, документального материала, то Мережковский, напротив, использовал роман для изложения своих мыслей. Разной была их трактовка самого рассматриваемого события: не только христианская добродетель, филантропия и боязнь крови, как полагал Мережковский, но и «ледяная гранитная сила самодержавия» (там же), по Цетлину, помешали заговорщикам. Цетлин развивал мысли, типичные для левозсеровской ориентации его журнала, направленного и против большевизма, и против угрозы справа.

Неоднозначность оценок такого яркого явления, как творчество М. Горького, прослеживается в статье И.А. Ревякиной «Публицистика и критика русской эмиграции 1920-х годов о творчестве М. Горького». Несомненно, произведения Горького, пишет исследователь, давали огромный материал, чтобы, вчитываясь и вдумываясь в него, «понять разные голоса России» (с. 104). Ведь жизнь и творчество большого писателя сопрягались с главными путями времени и искусства. Высказывания о Горьком так или иначе совмещали субъективное и объективное

начала в стремлении понять и истолковать не только «художественную правду» писателя, но и его общественно-политическую позицию, мироощущение в целом. В 20-е годы писатель прошел определенный путь: от поисков контактов с эмиграцией до резкой конфронтации с ней. Феномен Горького, духовный и политический, породил публицистическую критику и собственно публицистику разных жанров: это и памфлет, и полемическая статья-«ответ», и сатирический фельетон. Именно так заявляли о своем отношении к деятельности писателя как защитника революции особо непримиримые: Д. Мережковский, З. Гиппиус, И. Бунин, А. Яблоновский. Складывалась в этот период и линия художественной критики русского зарубежья. Ей было присуще стремление понять место писателя в «смене художественных вех» эпохи, она обращалась к осмыслению всех новейших произведений Горького: дневников, воспоминаний, рассказов, романа «Дело Артамоновых» и др. Интерес к взаимодействию в его творчестве разных стилей – реализма и модернизма – характерен для выступлений Г. Адамовича, Ф. Степуна, М. Слонима, Н. Оцуца.

Четко обозначился в этот же период «общекультурный» подход к фигуре Горького. Культурологи, философы, критики пытались определить его роль в осознании раскола русской культуры. По мысли Г. Федотова, в ней (в культуре) столкнулись «прозрение» ее религиозного смысла и «мысль о только человеческом характере» (с. 106). Многие оказались предметом споров: удачи и неудачи Горького, природа его таланта, признаваемого или отвергаемого деятелями русского зарубежья. Русская эмиграция, по наблюдению исследователя, значимо и впечатляюще отразила драматический путь писателя, уникальность его творческого опыта. Одними из первых, каждый «на своем языке», высказались о «разных душах» Горького Ю. Анненков и Е. Замятин, они имели в виду его внутреннюю сложность, обусловленную «расколом самого мира русской жизни» (с. 121). Затем к размышлениям о сложности, подчас трагической неоднозначности позиции Горького обращались многие, но первое весомое «слово» о нем принадлежало его современникам – «друзьям-врагам». Независимость, высокий профессионализм создавали критикам и писателям русского зарубежья условия для понимания поисков Горького на фоне широких общественных и художественных связей, реальных исторических противоречий. Современники часто низвергали классово-партийные приоритеты писателя, но в то же время самые заметные выступления эмигрантских критиков были

и постижением собственно художественных обретений Горького, признанием самобытности его таланта.

Панорама оценок, мнений и взглядов эмиграции на события Первого съезда советских писателей составляет предмет статьи О.В. Быстровой. К мемуаристике Игоря Северянина обращается в своей статье В.В. Никульцева. Сборник завершает работа О.А. Коростелёва «Литературная критика русской эмиграции: Материалы к библиографии», где собраны работы ведущих критиков зарубежья.

О.В. Михайлова

2005.04.032. РОССИЯ И РОССИЙСКАЯ ЭМИГРАЦИЯ В ВОСПОМИНАНИЯХ И ДНЕВНИКАХ: АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ КНИГ, ЖУРНАЛЬНЫХ И ГАЗЕТНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ, ИЗДАННЫХ ЗА РУБЕЖОМ В 1917–1991 гг.: В 4 т. /Гос. публ. ист. б-ка России, Рос. гос. б-ка по искусству, Стэнфорд. ун-т; Науч. ред. Тартаковский А.Г. и др. – М.: РОССПЭН, 2005. – Т. 4, ч. 1 В аннотированном указателе (т. 1–4) представлены изданные в зарубежье на русском языке мемуары и дневники трех поколений российской эмиграции, появившиеся в период с 1917 по 1991 г., а также воспоминания советских граждан, ранее не публиковавшиеся в Советской России из-за цензурных ограничений.

Реферируемый четвертый том (*часть первая*) включает разделы: «Литература»; «Дополнения». В «Дополнениях» собраны, главным образом, публикации из газеты «Новое русское слово» за 1973–1991 гг., не вошедшие в предыдущие 3 тома. Структура этого раздела отражает общий состав издания: «Россия в целом», «Дореволюционная Россия» – эти темы соответствуют содержанию *первого тома* (М., 2003); «Февральская революция, Октябрьский переворот (февраль–октябрь 1917 г.)», «Гражданская война, Белое и другие антибольшевистские движения в России (1917 – октябрь 1922 г.)», «Советское общество (1917–1991 гг.)» – эта проблематика вошла во *второй том* (М., 2004); «Российская эмиграция (начало 1920-х – 1991 г.)», «Вторая мировая война (1939–1945). Российская эмиграция во время войны», «Культура России и российской эмиграции» – все это определило состав *третьего тома* (М., 2004).

Основной раздел первой части четвертого тома – «Литература» – содержит материалы о литературной жизни российской эмиграции и персоналии. Здесь названы мемуары, отразившие литературную жизнь дореволюционной и советской России, российской эмиграции, жизнь и